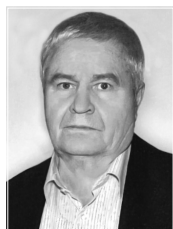

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

Ю.Д. Мишин, О.А. Демина, П.М. Постников

Аннотация. Актуальность выявления аксиологических оснований методов модернизации отечественного образования продиктована необходимостью прогнозирования среднесрочных и долгосрочных результатов этого процесса. Модернизация как феномен культуры и идеологический проект представляет собой неодно-

значное явление. Закономерный процесс поиска новых решений в сфере управления динамикой его развёртывания отражает стремление преодолеть объективные трудности, с которыми сталкивается общество, наиболее эффективным образом. Образование – один из ключевых механизмов воспроизводства культуры, – оказалось в этой связи в числе площадок инновационного развития, наиболее интенсивно критикуемой с разных сторон. И поскольку именно в образовании наиболее остро проявляют себя объективные противоречия, основанные на разнице целеполагания различных социальных групп, которые обеспечивают продвижение тех или иных аксиологических моделей перспективного развития, уместно проанализировать их ключевые проблемы, столкнувшиеся в ходе их обсуждения и критики.

Если обратиться к теории социального конструирования, то выявление аксиологических оснований модернизации образования позволит проследить, в какой мере каждая из основных моделей соответствует решению общих социальных задач и в то же время насколько она соответствует идеям формирования свободной и ответственной личности, столь необходимой в качестве движущей силы в решении этих задач. Среди доминирующих моделей следует указать, прежде всего, на апелляцию значительной части общества и «модераторов перемен» к традиционным ценностям отечественной культуры. Сегодня можно констатировать, что без учёта ориентации значительной части общества на признание абсолютного характера «традиционных ценностей» невозможно реализовать амбициозные задачи его модернизации. С другой стороны, образование – не только механизм трансляции культурного наследия. Оно должно решать задачи, соответствующие новым реалиям общественного развития. Поэтому не менее значительная часть общества поддерживает установку на поиск «новых ценностей» – например, связанных с информационной грамотностью населения, компьютеризацией производства и т.п.

Детальный анализ показывает, что эти «крайние» группы – условные консерваторы и условные новаторы – не находятся в отношении дихотомического деления. Скорее, множества составляющих их граждан находятся в отношениях пересече-

ния. Отсюда вывод: перспективной задачей становится поиск такой платформы, которая оптимальным образом совмещала бы традицию и новацию, наполняя процесс модернизации образования новыми смысловыми акцентами.

Ключевые слова. Высшая школа, образование, модернизация, интеграция, традиции, профессионализм, бюрократизация.

В энциклопедии «Britannica» понятие «модернизации» характеризуется как «трансформация общества из сельскохозяйственного и аграрного в светское, городское и индустриальное...». Одновременно в ней подчёркивается, что «при модернизации общества значимость индивидуума становится всё более важной» [Britannica, 2009: Т. I, 1216]. Последнее утверждение в определении «модернизации» особенно интересно, так как характеризует не историческую конкретность (о которой речь идёт в первой части определения), а историческую тенденцию – возрастание значимости личностного фактора в развитии общества. Не будет большой натяжкой утверждение, что на значительной территории нашей планеты, включая наше Отечество, модернизация как процесс перехода от аграрного общества к индустриальному к настоящему времени в основном осуществилась.

В значительной мере это произошло благодаря своевременному обеспечению благоприятных условий для личностного развития. Полученный исторический опыт подтвердил установку новоевропейского сознания на решающую роль личности в общественном прогрессе. При этом огромное значение играет общественная атмосфера, создающая человеку возможность для полноценного и всестороннего раскрытия своих способностей. Не последнее место имеет и тезис о направленном формировании определённого спектра знаний, умений и навыков, позволяющих социально адаптированному индивиду реализовывать свой потенциал на благо всего общества.

Поэтому в понятие «модернизация» правомерно включать всё то, что действительно способствует совершенствованию условий индивидуального развития в направлении воплощения в нём преемственности гуманитарных и демократических ценностей, потребности к творчеству. Именно поэтому в процессе модернизационных перемен особое внимание должно обращаться на сохранение традиций и культуры межличностных общений, бережному отношению к личностному, национальному и общечеловеческому прошлому. В.С. Глаголев отмечает в этой связи: «Творчество и инициатива творчества не могут сформироваться и устойчиво поддерживать себя без глубины и разнообразия интересов к накоплению знаний, развитию их систематичности, к определению «переходных полей» между их разными отраслями, к проверке источников, из которых они получаются, к уточнению и определению областей безусловного действия» [Глаголев, 2014: 30].

Разносторонний характер модернизации предполагает сбалансированность изменений по отдельным направлениям, иначе не избежать тех или иных «перекосов» и неизбежного снижения её общей эффективности. Вряд ли целесообразно проводить модернизацию избирательно. В таком варианте мы вступим в противоречие с её сущностью – изменением образа общественной жизни. Время развернуло понимание модернизации в сторону формирования условий перехода от сословного и классового антагонизма к социальному партнёрству, от тоталитарности к строительству гражданского

общества, транснациональному культурному согласию, межконфессиональной толерантности, что опять-таки возвращает актуальность личностного фактора и требует особого внимания к участию в личностном развитии всех социокультурных институтов, в первую очередь, образования.

Несомненно, новой России нужна новая высшая школа. Вопросы появляются, когда делается следующий шаг, то есть создаются конкретные модели «желательного будущего». И говоря о ценностных основаниях этих моделей, то есть анализируя возможности совмещения «традиции» и «новации», следует иметь в виду ряд соображений:

- во-первых, сравнивать нынешний экономический статус страны в мировом рейтинге с теми государствами, чьи достижения поставили их во главе списка, достаточно проблематично. Потенциал отечественной культуры огромен, национальный дух не иссяк, национальное производство работает. Однако уже треть века не удается в достаточной мере мобилизовать резервы и добиться решающего прорыва. К тому же наивно думать, будто конкуренты остановятся и будут ждать, пока мы их догоним. Приходится быть готовым к тому, что «маршбросок» не получается. Встав в 1990-е гг. на путь сканирования чужого, пусть и удачного опыта (инженеры называют такие действия «работать по кальке»), лидеры социальных процессов утратили позицию инициативы, которая, как известно, является неременным условием конкурентной устойчивости;

- во-вторых, оставаясь на общеисторическом тренде модернизации, уместно искать такой способ продвижения модернизации, который реализует её задачу через идею национального своеобразия, проверенные временем традиции. Речь идёт не об особом альтернативном пути, а о специфическом маршруте движения. Диалектику не следует упрощать, сводя к единству противоположностей в развитии. Диалектика – это ещё и признание многообразия осуществления сущностей. Сущность

мирового развития едина, но не однообразна. Историческое подобие отличается от подражания. История – это воплощение искусства деятельности и, в качестве искусства, она ценит оригиналы, а не копии.

Россия, став РСФСР, потом ядром СССР, первой среди стран Антанты, не говоря о проигравших Первую мировую войну, восстановила экономику к началу пятилетнего планирования (1928 г.), благодаря радикальным переменам в социально-экономических технологиях. Политика доказала свою практическую эффективность в эксклюзивных условиях послевоенной разрухи, революционной борьбы, гражданской войны и международной интервенции. Попутно отметим: авангардизм этого времени в искусстве, науке, технике, в творчестве в целом не обошёл стороной ни экономику, ни политику. Ведь политика действенна именно как творческое выражение отношения к решению проблем общественного развития. Политики не должны учиться повторять. Их инструмент – новаторство в диалектическом толковании отрицания. Повторение пройденного ограничивает политику. Делать известную работу по алгоритму – удел профессиональной бюрократии. Политик же – это субъект, воспитанный на международном опыте, не удовлетворённый достигнутым, ищущий новые продолжения в национальном развитии с учётом накопленного общественного потенциала.

Политика модернизации образования, при которой национальная школа ориентирована на остающийся в прошлом зарубежный опыт, направлена не столько на национальное развитие, сколько на сервисное приспособление национального социального движения к тому, что есть у конкурентов, с той лишь разницей, что наше «новое» будет их прошлым опытом. Подобная «модернизация» скорее закрепит существующее положение в конкуренции, в то время как она нужна для того, чтобы его изменить. Две с половиной тысячи лет назад Конфуций учил своих подопечных: «Увлечённость чужими суждениями мо-

жет приносить только вред» [Большая книга восточной мудрости, 2014: 357].

Поясним: мудрец Кун не отвергал иные мысли; он аккуратно объяснял, как к ним следует правильно относиться. «Чужие суждения» не должны завораживать: вполне допустимо признать их значимость, но при этом следует помнить о пределах этой значимости. Тривиально, но в основании всех суждений лежит отражение конкретной действительности. Она различна и изменяется, поэтому определяющим часто становится не столько сам факт отражения, сколько то, под каким углом зрения отражается существующий порядок вещей. Не проходя бесследно и «технические» дефекты осмысления. Отсюда вывод: недопустимо без тщательной «примерки» (сначала мысленной, затем избирательно практической) отдавать приоритет «заграничному». Даже если оно выросло до транснациональных размеров.

Болонские соглашения в рамках программ европейского развития – значимая веха в истории организации высшего образования. Европа шла к ним без малого пятьдесят лет, с 1953 г., когда была принята «Европейская конвенция об эквивалентности дипломов». Достаточно проследить, что сделали за это время европейские профессионалы, чтобы понять, какой объём научной, методологической и организационной работы был выполнен. Реорганизация образования сопровождалась систематическим аудитом и анализом промежуточных результатов движения. Вместе с тем весьма интересен и критический анализ этого процесса, формализованный документально и воплощённый в коррекции теоретических взглядов и практических действий. Тем более, что эта сторона европейских реформ осталась в тени нашей установочной и специальной литературы.

Полагаем, причина такой избирательности – «технически-политическая». РФ до 1990-ых гг. шла своим путём решения проблемы приведения качества высшего профессионального образования в соответствие с общественными запросами.

Присоединение к Европейскому соглашению оказалось формальным, оно не было подготовлено практическими переменами, поэтому нам сделали исключение, дали отсрочку. Она предполагала, что в течение ближайших десяти лет Россия изменится настолько, что в стране сформируется спрос на бакалавров, магистров и аспирантов в европейских пропорциях. Однако максимум, на который удалось выйти, это проведение формальной реорганизации высшей школы, которая, по мнению некоторых экспертов, ещё больше оторвала её от реальной социально-экономической ситуации в стране.

Нестыковки, неизбежные в такой ситуации, решаются за счёт специфической бюрократизации процесса: постоянная смена образовательных стандартов, постоянно увеличивающееся количество отчётов с постоянно меняющимися формами их заполнения – все эти виды формализованной деятельности оставляют преподавателю всё меньше времени на реальное взаимодействие со студентами. В итоге студент из субъекта образовательного процесса делается его «единицей», преподаватель уподоблен контролёру, декан – диспетчеру. Воспитательная составляющая образовательной деятельности в этой ситуации всё больше напоминает частную инициативу, далёкую от стандартов тьюторства, принятых в том же западном мире.

Приобщение к знаниям, уровень их усвоения, удовлетворённости достигнутым обусловлены организацией воспитания в его высшей форме действия. В.О. Ключевский, опираясь на свой опыт и исследования истории национального высшего образования, писал: «В воспитании различаются два дела: одно – развитие и выправка индивидуальных особенностей, личных свойств и наклонностей человека, другие – выработка общего типа, прививка тех общеобязательных правил, понятий и интересов, из которых складывается культура времени» [Силантьева, 2012: 27]. Заслуживает ссылки и знаковая притча о последнем дне жизни Будды. Он сообщил своим ученикам, что завтра он перевоплощается и покидает

их, чем очень расстроил. «Что нам теперь делать? – спросил Анаида. – Ты был здесь, мы шли в твоём свете?.. Будда ему ответил: «Сорок лет ты шёл в моём свете и своего не смог достигнуть. Думаешь ли ты, что если бы я прожил ещё сорок лет, ты бы достиг своего света? Чем дольше ты идёшь в заимствованном свете, чем больше подражаешь, тем больше теряешь. Лучше мне уйти» [Большая книга восточной мудрости, 2014: 178].

С точки зрения здравого смысла «западная модель» – это на деле всего лишь «полуфабрикат», требующий переработки. При этом важно понять, как именно работает современная система образования на том же условном Западе, где тоже существующая тенденция модернизации наталкивается и на трудности, и на активное сопротивление некоторым ее аспектам со стороны ведущих вузов конкретных стран. Напомним: новейшая «компетентностная модель» в самой Европе воспринималась не в значении миссии, а как «рабочий инструмент» стандартизации образования. В сознании европейских мыслителей, разрабатывающих схему модернизации образования, нет признаков ревизии классических педагогических принципов, нацеленных на развитие личности как социального субъекта. Уровень европейской культуры, выстроенной на идеях авторитетных философов, культурологов, психологов, социологов, не позволял опуститься до вульгарно-экономических и потребительских подходов к оценке качества высшего образования, что подтверждено соответствующими документами [Тарасова, 2009].

Анализ реализуемых на практике образовательных реформ показывает, что «компетентностная модель» в условиях российских реалий выполняет несвойственную себе функцию: вместо прикладных задач организации образовательного пространства она берёт на себя роль парадигмы образовательной деятельности. Одним из оснований отсутствия в программных документах определения понятия «парадигма образовательной деятельности», которое прямо отсылает к указанию на аксиоло-

гический фундамент и цель предпринимаемых реформ, с нашей точки зрения является стремление сгладить действительные противоречия попыток «евроремонта» отечественного образования. Эти противоречия упираются, прежде всего, в отсутствие необходимых для её реализации финансовых средств. Реально сегодня мы способны финансировать обучение (не образование) работников на уровне бакалавриата. Естественно, что речь идёт о массовом обучении, а не о сравнительно небольшом количестве элитных вузов.

Чего было больше в нашей образовательной политике: управленческой несостоятельности, отсутствия доверия к компетентности профессионального сообщества или желания как можно быстрее войти на равных в европейскую цивилизацию? Парадокс дополняется тем фактом, что сама европейская цивилизация не нуждается в массовом притоке европейски образованных специалистов из России; а вот снижение конкурентоспособности российских вузов на мировом рынке образовательных услуг, как ни грустно, может представлять для аналогичных структур на Западе определённый интерес.

Таким образом, формат «западных» ценностей – профессионализм, прагматизм, индивидуализм как ориентация на личный успех (наряду с такой компетенцией, как умение работать в команде) вылился в переориентацию российской образовательной среды на стандарт исполнительства (вместо инициативности), освоение навыков кропотливой работы по заданному извне и не подлежащего обсуждению алгоритму и т.д. Это – не ценности как таковые, а их организационные проекции. Реальные ценности, которые просматриваются за воплощением подобных стандартов в образовании, соответствуют тому уровню, который отведён России её экономическими и политическими партнёрами. И он не предполагает дальнейшего продвижения в рейтинге реальных (а не выдуманных) инициатив, например, производственных, организационных и т.д.

Нынешняя отечественная политика в высшем образовании скорректирована на национальные интересы. Но политика имеет свою структуру – стратегию, тактику, бюрократическую организацию исполнительной деятельности. Прежде чем политические причины обретут реальную силу практического действия, они должны пройти горнило бюрократической машины. Отметим: отечественные бюрократы исторически считали себя не нанятыми управляющими, а частью действительной власти, конституционно узаконенной. Бюрократ силен и как ответственный исполнитель, и способностью влиять на реальных политиков. Бюрократ готовит проекты документов и обсуждение их.

По некоторым данным, количество бюрократов и их помощников за время строительства России увеличилось втрое. Не удивительно, что бюрократия и сегодня негласно рассматривает себя в качестве реальной власти. В коридорах такой власти легко заблудиться, поэтому оставим открытыми вопросы о том, где и как именно принималось решение о текущем формате модернизации отечественной высшей школы. И почему это решение, призванное экстраполировать европейскую конструкцию на российскую действительность, миновало четыре фундаментальных принципа, бережно охраняемых самими европейцами от посягательств, а именно:

- опора реформирования на рекомендации профессионального университетского сообщества;
- гармония в реформировании национальных и транснациональных традиций;
- учёт реальных экономических возможностей;
- последовательность в ориентации на развитие личности в контексте демократических и гуманистических ценностей.

Ответственная позиция западных конструкторов образовательной политики, безусловно, базируется на демократических и гуманистических традициях. Политические кризисы XX в.

не подорвали здесь веру в силу демократического вектора развития общественных отношений. Однако, как нам представляется, суть дела не только (и, возможно, не столько) в высоком авторитете демократии, сколько в элементарных политико-экономических расчётах. Благоприятные условия для проявления профессиональных трудовых способностей-компетенций, существующие в Западной Европе, устойчивый экономический и политический статус Европейского союза в целом, ещё долго будут привлекать квалифицированных работников в страны Евросоюза. По сведениям С.П. Капицы, в руководстве крупнейших транснациональных фирм, имеющих европейскую «прописку», до трёх четвертей служащих – выходцы из России, и число их растёт [Капица, 2006].

Что же касается подсобной, то есть малоквалифицированной, низкоквалифицированной рабочей силы, то её можно набрать, например, из среды из беженцев. Собственные же университеты будут обеспечивать развитие Европы кадрами управленцев, пополнять ряды политиков, деятелей культуры. Более того, в складывающейся в мире политической ситуации, когда последствия стратегии «управляемого хаоса» приходится разгребать именно европейцам, образовательная политика просто обязана быть предельно консервативной. Иначе исконным европейцам придётся потесниться и открыть массовый доступ к сфере управления тем, кто в ближайшей перспективе оккупирует уровень исполнительской деятельности. Иммигранты, получив доступ к рабочим местам, естественным образом входят со временем в число тех, кто «рулит». Один из мощнейших социальных лифтов, работающий в этой сфере, представляет собой как раз образование.

В отличие от Западной Европы и США, новая Россия не столь привлекательна для жизни и работы образованных людей. Иммигрантов к нам приезжает немало. Вот только трудовой статус их редко конкурирует с отечественными квалифицированными работниками. Европей-

цев, стремящихся получить образование в российских вузах, при этом не так уж и много, что не способствует лучшему «обращению ценностей» между нашей страной и Европой. А жаль, так как учёба в вузах помогает иностранцам лучше понять страну, её людей, исторические заслуги. В неослабевающей психологической и информационной борьбе качественно поставленное высшее образование не менее действенно в сравнении со специальными инструментами нейтрализации ложного представления о государстве и его национальных интересах.

Нарастающему пессимизму в отношении перспектив отечественного образования стоит противопоставить некоторые моменты, взятые из сравнительно недавнего исторического прошлого. Так, по данным Е.В. Калинин, «в СССР в 1989 г. обучалось в вузах и техникумах свыше 120 тысяч иностранных граждан, из них 2 тыс. – из капиталистических стран. За послевоенные годы дипломы советских вузов получили около 25 тыс. граждан ГДР, 13 тыс. – Венгрии, 11,5 – Чехословакии» [Калинкин, 1990: 17]. Для сравнения – в середине 1980-ых гг. (до разработки и принятия программы «Эразмус» – Схемы действий по обеспечению мобильности студентов университетов в рамках ЕЭС), – в университетах Западной Европы училось чуть более 3 тыс. человек [Калинкин, 1990: 82].

Авторитет многих наших вузов, подкрепленный качеством подготовки специалистов, нашёл конкретное практико-экономическое и научно-техническое подтверждение в создании совместных предприятий с зарубежными известными фирмами. К концу существования Советского Союза таких СП оказалось более двух десятков. Например, Московский станкостроительный институт имел общее предприятие с итальянской фирмой «Руит», Тбилисский политехнический – с французской «Арис», МИИТ – с венгерской «Телефон-дьяр», МГУ им. М.В. Ломоносова, КамАЗ, два института АН СССР и в/о «Внештехника» – с фирмами США, МАИ – с рядом европейских авиафирм [Калинкин, 1990: 133].

На мировом рынке образовательных услуг отечественное образование конкурировало успешно, устойчиво занимая верхние строчки. Однако если бы нынешние методики определения положения вуза в мировом рейтинге приложить к советским вузам, то картина, видимо была «один в один» с современными российскими. Это демонстрирует условность буквального применения используемых критериев для принятых много ранее местных национальных стандартов. Стремиться быть среди первых – нормальное желание любого вуза, но абсолютизировать значение подобной «рейтинговой мании» не только недальновидно, но и небезопасно. Об этом уже не раз говорилось с высоких трибун, однако реальность продолжает «догонять» миражи «совпадения стандартов» и «единомыслия» в организации образовательного процесса. Стандартизация стремится подменить объективность, а «наука, основанная на разуме», всё больше приближается к предмету веры и поклонения, утрачивая в массовом сознании собственные атрибуты независимости от авторитетного политического мнения.

Анализ экономической ситуации в мировом высшем образовании и политических инициатив, предпринимаемых в ведущих странах, приводит в очередной раз к мысли о том, что заявленная как модернизация, перестройка отечественной высшей школы, в действительности соответствует преобразованию, описываемому понятием «оптимизация» в его российской организационно-экономической интерпретации. А она связана с идеей сокращения числа вузов и перспективой постепенного перевода их на самофинансирование по причине отсутствия средств для их содержания в госбюджете.

При этом нарастание отставания от США в организации вузовского образования чувствует даже Европа. ЕС сформулировал стратегической целью своего прогресса превращение Европы в плацдарм развития экономики, основанной на знаниях. ФРГ планирует соз-

дание элитных университетов с бюджетами свыше 200 млн. долл. Сейчас, как сообщает В. Дергачев, соотношение расходов на ординарный университет в год таково: США – 100%, ЕС – 10% (от США), РФ – 1% (от США). Только дарственные фонды университетов Лиги Плюща и Стэнфорда равнялись ВВП Украины (2014 г.). Такая статистика, однако, не смущает руководство КНР. Пекин разработал программу превращения 100 университетов в научно-исследовательские центры мирового уровня, сконцентрировав в них, по западному образцу, развитие науки. Сейчас в Топ-50 мира входят три китайских вуза [Ключевский, 1990].

Финансовый кризис 2008 г. прошёл и по вузам США. Ещё в 2012 г. их финансовые потери, по данным NACUBO, составили 0,3%. Даже бюджет Гарвардского университета не достиг докризисного уровня в 37 млрд. долл. Университеты США активно используют различные инструменты финансового рынка, чтобы поправить своё положение:

- участвуют в деятельности компаний;
- делают ставки на хедж-фонды;
- торгуют недвижимостью;
- спекулируют на воде и древесине.

На текущие расходы американские университеты имеют право тратить в среднем 4,4% от основных фондов, что им явно не хватает с учётом размаха организации образовательной деятельности и научных исследований. Но богатые и не очень американцы «не плачут», а пытаются компенсировать необходимые для образования средства собственными заработками, при этом им не мешают бюрократы. У нас же университеты ограничены даже в возможности продавать свою творческую продукцию – монографии, учебники. Между прочим, способность создавать качественную научную и учебную литературу, пользующуюся спросом на рынке, ещё сто с лишним лет назад рассматривалась как важнейший показатель профессиональной готовности вузовских педагогов [Костомаров, Бургвиц, 1952].

Из сказанного можно сделать вполне практический вывод. Для российских условий целесообразно выстроить модернизацию в виде ступенчатого процесса реорганизации, исходя из оптимизации соотношения необходимости и возможности. В сложившейся обстановке особое значение приобретает динамика процесса – какой образовательная политика будет завтра и послезавтра. Это, в свою очередь, потребует отчётливого понимания, какие именно ценности следует заложить в парадигму образовательной деятельности.

Говоря о традиционных национальных ценностях, имеет смысл вернуться к идее патриотизма, нацеленного не на превознесение себя, но на формирование чёткой системы ценностных ориентиров личности, идентифицирующей себя как гражданина, нацеленной на сотрудничество в государственном и межгосударственном масштабе, лишённой национального самодовольства, но при этом не лишённой национальной гордости. Стоит подчеркнуть, что в реальной политике сегодня есть все условия для принятия этой ценности как одной из ключевых. Дело стало за такой её реализацией, которая не дискредитировала бы саму идею. И прежде всего, вывела бы национальную систему образования из области симулятивного подражания западным стандартам, позволив взять из этого опыта позитивные и жизнеспособные в российских условиях моменты, отказавшись от заведомо невыполнимых условий.

Развернуть образование к ценностям национальной и мировой культуры – суть политического момента. М.В. Силантьева правомерно отмечает: «Все разговоры о культуре как «мягкой силе» останутся лишь благими пожеланиями, если сущность самой культуры не будет ясна для транслирующих её социальных институтов. Разного рода симуляции, успешно продвигаемые сегодня на рынке управления, образования, политики и экономики, – не просто угроза «мягкой силе». Скорее, это стратегия её планомерного разрушения» [Костомаров, Бургвиц, 1952: 209].

Как известно, формирование культуры личности специалиста предполагает два взаимосвязанных направления. Первое – творческое, второе – исполнительское. Вуз несёт ответственность за то, какое из них станет доминировать у большинства его выпускников. Риторический вопрос: зачем выпускнику университетов плюща диплом стандартного образца? Они поступали учиться в конкретный институт, являющийся брендом образования США. К сожалению, в нашем отечестве понятие «государственное профессиональное образовательное учреждение» в ходе модернизации лишилось существенных признаков.

В первую очередь, свёртывается «академическая свобода», в образовательной политике появляется всё больше элементов внешнего управления. Регулятор добился контроля за организацией учебно-методической работы, взяв в свои руки разработку соответствующих профессиональных рекомендаций. Достаточно оснований считать, что не снизилась активность регулятора и в отношении того, чтобы вывести вузы из ведомственного подчинения, несмотря на явную абсурдность такой перемены с точки зрения качества подготовки специалистов.

Абсолютизация технических стандартов однозначно свидетельствует о том, что нам предлагают возвращаться в прошлое, во времена господства технологии ИСО 9000. Техническое нормирование – универсальная необходимость для материального производства, но нельзя её назначать в системообразующие факторы организации образовательной деятельности. Это – всего лишь одно из условий

успешной работы вузов. Здесь напрасно рассчитывать, что все проблемы можно решить с помощью тотальной компьютеризации. Творчество и путь к творчеству – технически не разложимы и плохо формализуемы, поэтому и моделировать в технической форме их можно лишь условно. Суррогат может быть лучше, хуже, но он обречён быть суррогатом.

В своё время социалистическую индустриализацию СССР осуществил на основе совершенствования качества подготовки специалистов. Нынешнюю реиндустриализацию пытаются провести, опираясь на стандартизацию. Однако «конвейерное производство специалистов» – путь тупиковый. Новые Капица, Королев, Курчатова, Туполева, Долежалы, Александровы, Келдыши, Лаврентьевы, Марковы, Алфёровы, Сахаровы, Вавиловы, Вернадский третьего тысячелетия пробьются сами. И дело здесь не в реформах. Гений – это тот уровень индивидуальности, который слабо обусловлен внешними факторами. Вопрос в другом: где и с кем они будут работать?

Современные политологи и журналисты обсуждают форму эвентуальной третьей мировой войны. Версий много, достроим их ещё одной – это будет война знаний, и победит в ней тот, кто придаст образованию творческий характер. Если так, то первый этап этой войны мы проиграли, отказавшись развивать наследство, выбрав путь слепого подражания. Нашему образованию сегодня нужны не функционеры-управленцы, а управленцы-полководцы. Упустим время – потеряем самостоятельность, причём очень надолго, если не навсегда.

Список литературы:

Britannica. Настольная иллюстрированная энциклопедия в 2-х т. М.: Изд-во Астрель, 2009. Т. I – 1184 с., Т. II – 1141 с.

Глаголев В.С. Стратегия непрерывного образования в российских вузах: подводные камни. // Актуальные проблемы модернизации высшей школы: Материалы международной научно-методической конференции «Актуальные проблемы модернизации высшей школы», 6-7 февраля 2014. Новосибирск: Изд-во СГУПСа, 2014. С. 27-32.

Большая книга восточной мудрости. М.: ЭКСМО, 2014. 800 с.

Тарасова Н.В. Европейский опыт развития системы образования в контексте Болонского процесса. М.: ФИРО, 2009. 68 с.

Капица С.П. Мозги у нас от Бога // Аргументы и факты. 2006. №30.

Калинкин Е.В. Высшая школа в системе непрерывного образования. М.: Высш. шк., 1990. 144 с.

Ключевский В.О. Сочинения в 9 т.: Т IX. М.: Мысль, 1990. 525 с.

Силантьева М.В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №6(27). С. 206-210.

Костомаров В.М., Бургвиц А.Г. Основоположник теории гидродинамического трения в машинах Н.П. Петров. М.: Машгиз, 1952. 235 с.

Об авторах:

Мишин Юрий Дмитриевич – к.филос.н, доцент кафедры философии и культурологии Сибирского государственного университета путей сообщения. 630.049, Россия, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук, 191. E-mail: filos@stu.ru Тел.+7 9130141806.

Постников Павел Михайлович – к.техн.н., доцент, начальник Учебно-методологического управления Сибирского государственного университета путей сообщения. Россия, 630.049, , Новосибирск, ул. Д. Ковальчук 191. E-mail: vinichenkoan@stu.ru Тел.+7 9139163894.

Дёмина Ольга Африкановна – к.пед.н., доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Сибирского государственного университета путей сообщения. Россия, 630049, г. Новосибирск, ул. Д. Ковальчук 191. Тел. E-mail:demina_o@stu.ru. Тел.; +7 9134666147.

MODERNIZATION OF THE HIGHER EDUCATION AND NATIONAL INTERESTS OF RUSSIA

Y.D. Mishin, P.M Postnikov, O.A. Dyomina

Abstracts. *Modernization has come up to take place of “democratic reforms of 1990” and turned into political brand for the next two decades. Social development naturally leads to changes in the forms of political governance. These changes reflect new objective reality conditions of political development. The society starts to put questions about the forms of political governance when these forms either do not satisfy the activity circumstances or attach the vector that cannot facilitate the realization of development as in case of education reforms that began at the end of the 20-th century.*

In spite of the fact that domestic education was well modelled even according to foreign yardstick, however, it could not stand aside these changes aimed at the base of social architecture. Russian education system required reconstruction for new aims and goals. Russian society, and in the first place, teaching staff community realized the exigency of education improvement, curriculum development, and upgraded educational technologies. The society was ready to essential turnabout. At the same time, the overwhelming citizen majority in the Russian Federation had great expectation for changes within national traditions, which, as they supposed fairly, agreed with universal democratic and humanistic framework.

World development integration is a clear and progressive phenomenon that differs from globalization, which is promoted by political profiteers in their own interests. Unfortunately, with self-evident truth, the Modernization Programme of domestic educational system has not lived up to the Russian's expectations. Quite the contrary, it turned to be another one bureaucratic failure alienated from reality. This bureaucratic fabrication preferred globalization interests to national ones. The

authors give systematical analysis to this contradiction trying to offer the alternative variants under democratic development and in international context.

Key words. *the Higher School, education, modernization, integration traditions, professional competence, bureaucratization, globalization.*

References:

Britannica. *Nastol'naya illyustrirovannaya ehnciklopediya v 2-h t.* [Britannica. Illustrated desk book of reference in two volumes]. Moscow, "Astrel" Publ., 2009. V. I – 1184 p., V. II – 1141 p. (In Russian).

Glagolev V.S. *Strategiya nepreryvnogo obrazovaniya v rossijskikh vuzakh: podvodnye kamni* [The Strategy of lifelong education at Russian Universities: traps and pitfalls]. *Aktual'nye problem modernizacii vysshej shkoly: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii "Aktual'nye problem modernizacii vysshej shkoly"*, 6-7 fevralya, 2014 [Topical issues of modernization in the Higher School: Materials of International scientific and methodological conference "Topical issues of modernization in the Higher School", February 6-7, 2014]. Novosibirsk, SGUPS, 2014. pp. 27-32. (In Russian).

Bol'shaya kniga vostochnoj mudrosti [Big book of Oriental wisdom]. Moscow, EKSMO, 2014. 800 p. (In Russian).

Tarasova N.V. *Evropejskij opyt razvitiya sistemy obrasovaniya v kontekste Bolonskogo protsessa* [European experience in education system development in the context of Bologna process]. Moscow, FIRO Publ., 2009. 68 p. (In Russian).

Kapitsa S.P. *Mozgi u nasot Boga* [Our brains are God's gifts]. *Argumenty i fakty – Arguments and Facts*, 2006, no. 30 (In Russian).

Kalinkin E.V. *Vysshaya shkola v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Lifelong learning in the System of higher education]. Moscow, Higher school, 1990. 144 p. (In Russian).

Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v 9 t.: T. IX.* [Collected Works in 9 Volumes: V. IX]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 68 p. (In Russian).

Silant'eva M.V. *Metamorfozy sotsial'nykh organizmov v svete transformatsii kul'turnykh granits: global'nye sledstviya modarnizatsionnykh protsessov* [Metamorphoses of social entities within the cultural limits transformation: global effects of modernization processes]. *Vestnik MGIMO-Universiteta – Bulletin of MGIMO-University*, 2012, no 6 (27), pp. 206-210 (In Russian).

Kostomarov V.M. Burgvits A.G. *Osnovopolozhnik teorii gidrodinamicheskogo treniya v mashinakh N.P. Petrov* [Founder of the theory of hydrodynamic friction in cars N.P. Petrov]. Moscow, Mashgiz, 1952. 235 p. (In Russian).

About the Authors:

Yuriy D. Mishin – PhD (Philosophy), Assistant Professor of Department of Philosophy and Cultural science of Siberian State University of Railway Engineering (STU)/ 191, ul. D. Kovalchuk, Novosibirsk, 630049, Russia. E-mail:filos@stu.ru.Tel. +7 9130141806.

Pavel M. Postnikov– PhD (Technical Sciences), Assistant Professor, Head of Studies and Methodological Work Department of Siberian State University of Railway Engineering (STU). 191, ul. D. Kovalchuk, Novosibirsk, 630049, Russia. E-mail:vinichenkoan@stu.ruTel. +7 9139163894.

Olga A. Dyomina – PhD (Pedagogy), Assistant Professor, Head of Foreign Languages Department of Siberian State University of Railway Engineering (STU). 191, ul. D. Kovalchuk, Novosibirsk, 630049, Russia. E-mail:demina_o@stu.ru. Tel. +7 9134666147.